

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Салохиддинов Манучехр

*и. о. доцента кафедры теории английского языка СамГИИЯ
(Самаркандский государственный институт иностранных языков)*

Аннотация: *В данной работе языковая картина мира рассматривается как многоаспектный феномен, интегрирующий когнитивные, социокультурные и знаковые (семиотические) уровни речемыслительной деятельности, и выступающий в качестве единого механизма концептуализации окружающей действительности. Автором акцентируется внимание на медиаторной роли языка, который служит связующим звеном между объективным миром и его символической репрезентацией в сознании человека. Кроме того, обосновывается мысль о том, что процесс формирования лингвокультурной картины мира детерминирован культурными кодами, общественными нормами и исторической памятью этноса, а ее объективизация (практическое воплощение) осуществляется посредством паремий, фразеологизмов, устойчивых лексических единиц и символов.*

Ключевые слова: *лингвистическая картина мира, речемыслительная деятельность, когнитивный, социокультурный и семиотический аспекты, культурные коды, общественные нормы, историческая память, объективная действительность, аксиология, индивидуальное сознание.*

Исследование лингвистической картины мира с позиций аксиологии является одной из приоритетных задач современного языкознания. В данном контексте особое значение приобретают процессы фиксации и трансляции ценностных установок в сознании говорящих. Опираясь на историко-культурный опыт, языковая модель мира аккумулирует и кодирует в речевых структурах знания об окружающей действительности. Заложенные в лексемах смыслы и оценки не только организуют индивидуальное познание, но и конструируют коллективный менталитет, выступая фундаментом для миропонимания внутри конкретной этнокультуры.

Феномен лингвистической картины мира включает в себя знаковые (семиотические), социокультурные и когнитивные уровни речемыслительной деятельности. Она представляет собой не просто механическую совокупность лексических единиц, а комплексную систему осмысления бытия, где язык играет роль связующего звена между объективным миром и его ментальной репрезентацией. Как подтверждают научные изыскания, формирование данной картины детерминировано национальным прошлым, общественными нормами и

культурными кодами, объективируясь в паремиях, устойчивых выражениях и символах.

Выполняя мировоззренческую (идеологическую) функцию, лингвистическая модель мира дает возможность систематизировать и выстраивать иерархию явлений действительности. Фундаментальными компонентами здесь выступают концепты – универсальные либо национально-специфичные ментальные образования, содержащие в себе оценочно-эмоциональный и аксиологический заряды. К примеру, такие базовые конструкты, как “любовь”, “семья”, “свобода”, “ответственность” или “дом”, фиксируются в любой лингвокультуре, однако их семантическое наполнение и культурная специфика кардинально отличаются в зависимости от цивилизационного контекста этноса.

Эволюция языковой картины мира демонстрирует ее гибкость и подверженность социокультурным сдвигам. Процессы глобализации, развитие медиа-индустрии и технологические инновации провоцируют рождение новых концептов и трансформацию традиционных смыслов. Несмотря на это, ключевые мировоззренческие категории, касающиеся времени, пространства, природы и человека, демонстрируют высокую степень стабильности ввиду их глубокой укорененности в этническом сознании.

Являясь инструментом гносеологии (познания), язык не просто регистрирует эмпирический опыт, но и моделирует когнитивный образ Вселенной. В теоретическом языкознании данный тезис соотносится с гипотезой Сепира-Уорфа (лингвистической относительности), утверждающей зависимость восприятия реальности от структур языка. Следовательно, приведение лингвистических картин мира к единому шаблону (унификация) исключено: каждая культурно-языковая общность генерирует собственную уникальную призму для восприятия реальности. Подобная вариативность создает многообразие лингвокультурных парадигм, а их сравнительный анализ позволяет вычленить как универсальные, так и специфические национальные доминанты.

В качестве наглядной иллюстрации концептуальных единиц могут служить такие фундаментальные категории, как “счастье”, “верность”, “уважение”, “воспитание” и др. В рамках каждой отдельной языковой системы эти ментальные образования синтезируют в себе как глобальные (общечеловеческие) идеалы, так и уникальные этнокультурные значения, продиктованные спецификой социума и его исторической памятью.

Концептуальные образования подразделяются на универсальные, присущие глобальному культурному пространству, и национально-специфические, обусловленные своеобразием ментальных структур конкретного этноса.

Процесс осмысления абстрактных сущностей и их объективация через предметные образы во многом опирается на метафорический перенос. В

частности, в сознании носителей английского языка темпоральные (временные) отношения часто концептуализируются посредством кинетических метафор (например, “time flies” – время летит, “time drags on” – время тянется), что репрезентирует субъективную перцепцию скорости течения времени.

Наряду с метафорическими моделями, символы генерируют устойчивые ассоциативные комплексы, выступая структурообразующим элементом языка не только в лексико-семантическом аспекте, но и на уровне фундаментальных культурных архетипов.

Когнитивная лингвистика исследует механизмы конструирования языковых картин мира посредством таксономии (классификации) объектов, процессов и их взаимосвязей. Подобное моделирование осуществляется на базе концептуальных фреймов и категорий.

В русле гипотезы лингвистической относительности (гипотезы Сепира-Уорфа) постулируется детерминирующее воздействие языка на перцепцию объективной реальности. В качестве иллюстрации можно привести детализированную цветовую номенклатуру в определенных языках, что служит маркером высокой культурной релевантности визуального восприятия в соответствующем социуме.

Лингвокультурная картина мира отдельного народа эксплицирует его национальную специфику на различных ярусах: лексическом, грамматическом и паремиио-фразеологическом. Например, в русском лингвокультурном пространстве концепт “душа” объективируется в широком спектре лексико-семантических дериватов (душевный, душевность, душевно), что подчеркивает доминирующую роль внутреннего, духовного модуса над внешним.

Реализуя идеологическую (мировоззренческую) функцию, язык определяет специфику отношения индивида к континууму пространства и времени, социуму и природной среде. Так, народы аридных (пустынных) зон оперируют высокодифференцированной лексикой для номинации цветовых и физических характеристик песка, что иллюстрирует их глубокую экологическую адаптацию. Точно так же этносы, населяющие горные ландшафты, обладают разветвленной системой вербализации малейших атмосферных и ветровых флуктуаций (изменений), что демонстрирует их неразрывную экзистенциальную связь с окружающей природой.

Лингвистическая модель мира характеризуется высокой степенью динамичности: она претерпевает постоянные изменения под давлением глобализационных процессов, технологического прогресса, медиатизации и социокультурных трансформаций. Данная эволюция манифестируется в виде лексических неологизмов, фразеологической модификации и семантического сдвига базовых концептов. Проникновение цифровой терминологии в

повседневный дискурс свидетельствует о смещении фокуса миропонимания в сторону информационно-коммуникативных категорий.

Современные векторы изучения языковой картины мира локализируются на стыке когнитивных, культурологических и семиотических исследований. Когнитивный подход акцентирует внимание на опосредующей роли языка в ментальных процессах, изучая способы систематизации опыта через механизмы категоризации, концептуализации и метафоризации

В рамках этнолингвистической парадигмы язык рассматривается не сугубо как коммуникативный инструмент, а как многоуровневая система, сберегающая культурное наследие, исторический бэкграунд и духовный этос народа. Согласно этой концепции, языковые единицы (лексемы, синтагмы, граммемы) напрямую обусловлены этнокультурным контекстом, функционируя как трансляторы социальных ценностей. В ходе исторического развития каждая нация осуществляет специфическую номинацию жизненно важных смыслов, обогащая их уникальной семантикой и тем самым создавая собственную классификацию бытия. Следовательно, язык не просто фиксирует материальный мир, но конструирует его в соответствии с уникальной национальной оптикой.

Межпоколенческая трансляция и закрепление аксиологических (ценностных) установок осуществляются посредством лингвистических механизмов. В частности, такие ментальные образования, как почтительность, такт и вежливость, объективируются не только на уровне изолированных лексем, но и в коммуникативных стратегиях, синтаксических моделях и формулах речевого этикета. Языковой инструментарий выполняет функцию регламентации социальных интеракций: сама структура языка диктует выбор регистра общения, интонационного рисунка и ситуативно обусловленных речевых паттернов. Наряду с этим, вербальные средства позволяют дифференцированно передавать тончайшие нюансы межличностных отношений – от эмпатии и пиетета до дистанцирования и сарказма. Подобная многофункциональность выводит язык за рамки простой трансляции данных, утверждая его в статусе важнейшего регулятора социально-психологических процессов.

В координатах этнолингвистического подхода постулируется активная роль языка в конструировании миропонимания говорящего коллектива. Индивид осваивает объективную реальность сквозь призму заложенных в его родном языке концептов и категориальных сеток, что обуславливает национальную специфику гносеологических (познавательных) процессов. Изучение лингвистических фактов открывает возможности для воссоздания этноцентричной картины мира, экспликации ментальных доминант, приоритетов и ценностных ориентиров социума. В данном контексте язык трактуется как фундаментальный культурный код этноса, выступающий базой для самоидентификации нации.

Фокус лингвокультурологического анализа направлен на выявление алгоритмов консервации и передачи культурного наследия, базовых архетипов и аксиологических парадигм. В рамках данной отрасли знания выявляется специфика вербализации поведенческих и этических предписаний через речевые конструкции.

С позиций семиотики лингвистическая модель мира рассматривается как комплексная знаковая макросистема. В ее рамках знаки и символы функционируют как аккумуляторы культурного смысла, генерируя эталонные (канонические) матрицы восприятия объективной реальности.

Обобщая вышесказанное, логично заключить, что лингвистическая картина мира (ЛКМ) представляет собой многомерный когнитивно-культурологический конструкт. Его формирование детерминировано историческим опытом, социальными практиками, технологическим развитием и включенностью в глобальное информационное пространство. Данный феномен интегрирует не только формально-структурные (лексико-семантические, грамматические) ярусы языка, но и фундаментальные идеологические категории, программирующие механизмы концептуализации и интерпретации бытия языковой личностью.

В процессе систематизации концептуальных моделей бытия применяются параметры, релевантные и для языковой картины мира, среди которых выделяется темпоральный (диахронический) вектор, фиксирующий исторические трансформации лингвосистемы. Признавая определенную консервативность (инерционность) языковых изменений, следует отметить, что их поступательная эволюция обусловлена синергией имманентных (внутренних) лингвистических законов и экстралингвистических (социокультурных) факторов.

В современной научно-исследовательской парадигме язык осмысливается не как механический инвентарь лексем, а как высокоорганизованная система репрезентации процессов перцепции и таксономии (категоризации) мира. Исходя из этого, лингвистическая модель мира предстает как полистратное (многослойное) образование, включающее ряд когерентных структурных элементов. Базовым звеном здесь выступает лексический уровень, фиксирующий механизмы номинации и членения континуума. Каждая лексическая единица кристаллизует в себе специфический когнитивный опыт, маркируя наиболее релевантные для этноса фрагменты бытия. Это детерминирует тот факт, что одна и та же объективная ситуация в разных языках получает асимметричную вербализацию, а некоторые концептуальные сферы подвергаются тщательной детализации, что служит прямым отражением уникальной национальной оптики познания.

Паремиологический и фразеологический фонды языка способствуют существенному углублению процессов концептуализации, поскольку объективная реальность в них фиксируется не путем прямой номинации, а опосредованно – через метафорические и переносные значения. Устойчивые словесные комплексы, пословицы и поговорки выступают в качестве резервуара исторического опыта, эмпирических наблюдений и аксиологических (ценностных) шкал этноса. С их помощью индивид не просто идентифицирует элементы бытия, но и осуществляет их субъективную оценку, наделяя специфическими экспрессивно-эмоциональными коннотациями. Следовательно, именно фразеологический сегмент картины мира наиболее адекватно и рельефно эксплицирует когнитивное своеобразие конкретной лингвокультурной общности.

В свою очередь, грамматический каркас языковой картины мира выстраивается на базе морфологического и синтаксического ярусов. Морфологический инструментарий служит средством систематизации и категоризации таких фундаментальных характеристик сущего, как темпоральность (время), акциональность (действие), квантитативность (число), посессивность (принадлежность) и детерминация. Синтаксис обеспечивает интеграцию данных морфологических категорий в когерентные (связные) логико-семантические структуры, определяя алгоритмы вербализации мысленных конструкторов. Так, порядок слов, распределение коммуникативного фокуса (актуальное членение предложения) и линейная последовательность репрезентации событий строго детерминированы ментальными паттернами говорящих. Соответственно, грамматические структуры выступают не механическим зеркалом реальности, а специфической матрицей ее упорядочивания и осмысления.

Звуковой (фонетический) уровень, несмотря на его формальную природу, также органично вплетен в процесс моделирования мира: просодические средства (интонационный контур, акцентуация, ритмика речи) выступают мощными трансляторами прагматических и эмотивных интенций.

В итоге лингвокогнитивная модель реальности находит свое выражение на всех стратах языка – от лексического выбора и синтаксического дизайна до фонетического оформления. Это диктует необходимость рассмотрения языка как комплексной полиструктурной модели человеческого мышления и культуры.

Построение адекватной и целостной картины мира не может опираться на изолированный анализ лишь одного лингвистического яруса, так как репрезентация ключевых концептов детерминируется синергией разнообразных языковых механизмов. Реализация подобного комплексного подхода предоставляет возможность объективировать имплицитные (скрытые)

лингвистические факторы, обеспечивая глубокую и многомерную интерпретацию языковой модели бытия.

При типологизации лингвистических картин мира релевантным критерием выступает характер объекта познания. Одним из таких концептуальных векторов является теория универсальной языковой картины мира, постулирующая существование глобальных (общечеловеческих) концептуальных констант. Весомый вклад в данное направление внесла А. Вежбицкая, разработавшая теорию “универсальных семантических примитивов” (таких как “мыслить”, “желать”, “ощущать”, “хорошо”, “плохо”) – базовых семантических элементов, обладающих максимальной степенью межъязыковой эквивалентности и присутствующих в любой лингвокультуре.

Более того, в современной когнитивной лингвистике обосновывается тезис о том, что лакуарность (отсутствие) определенных лексико-грамматических категорий в конкретном языке не тождественна их отсутствию в ментальной системе его носителей. Данный постулат подкрепляет концепцию автономного универсального когнитивного базиса, который опосредует независимую от конкретного национального языка концептуальную картину мира.

Социолингвистическая стратификация языковой картины мира доказывает гетерогенную (неоднородную) природу языка в рамках одного общества: он манифестируется в вариативных формах в зависимости от социальной структуры. Каждая социальная, профессиональная или территориальная общность осуществляет фильтрацию и модификацию языкового инвентаря, адаптируя его под специфические коммуникативные запросы. Как следствие, формируются специфические субкоды (жаргоны, профессионализмы, социолекты и диалекты), которые задают особую оптику восприятия действительности. Подобная дивергенция выходит за рамки стилистического варьирования и отражает глубинные различия в механизмах интерпретации мира.

В частности, жаргоны, циркулирующие преимущественно в молодежных или неформальных группах, оптимизируют интрагрупповую коммуникацию посредством компрессии и метафоризации смыслов, выполняя функцию социального пароля (маркируя оппозицию “свой – чужой”). Профессиональная лексика обеспечивает максимально точную и экономную номинацию специализированных процессов, формируя уникальную профессиональную картину мира у представителей различных специальностей (медиков, юристов, технологов) через присущую им терминологическую таксономию.

Социолекты аккумулируют лингвистические маркеры, коррелирующие с демографическими, гендерными или статусными характеристиками говорящих, выступая индикатором социальной идентичности индивида. Диалектные же системы, детерминированные пространственным (географическим) фактором,

консервируют историко-этнографическую специфику региона, демонстрируя уникальные алгоритмы категоризации и оценки бытия, зачастую отличные от литературного стандарта.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что социально детерминированные формы существования языка служат репрезентантами уникального коллективного опыта и ценностных парадигм различных социумов. Они выступают не только средством интеракции, но и механизмом социальной идентификации, позволяя индивиду интерпретировать мир сквозь призму установок своей группы. Соответственно, языковая картина мира обладает выраженной социокультурной полифонией (многослойностью), а вариативность языковых подсистем является прямым следствием когнитивного и социального плюрализма общества.

Список использованной литературы:

1. Евграфова А. А. Когнитивная семантика: теория и практика. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 142 с.
2. Кулешова Е. В. Концепт “душа” в русской языковой картине мира. – М.: Флинта, 2016. – 120 с.
3. Савкин А.П. Символ в языке и культуре. – СПб.: Наука, 2015. – 176 с.
4. Хайруллина Р. Р. Ценностный компонент языковой картины мира в парадигме лингвокультурологии. – Казань: Казанский университет, 2020. – 184 с.